

Алимов Константин Сергеевич

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-138783

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И КООРДИНАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу проблемы правового статуса и координации полномочий субъектов гражданской процессуальной правовой политики в Российской Федерации. Автором поднимается вопрос об институциональной неустойчивости и нормативной незавершенности системы субъектов, вовлеченных в формирование и реализацию гражданско-процессуальных реформ. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и научных источников обосновывается необходимость институционализации механизмов межведомственного взаимодействия между Верховным Судом РФ, Федеральным Собранием, Министерством юстиции, а также профессиональными и научными сообществами. Особое внимание уделено дихотомии между де-факто влиянием субъектов, не обладающих законодательной инициативой, и де-юре бездействием уполномоченных органов. Предлагаются меры по совершенствованию координационной модели, включая создание постоянных экспертных советов и нормативное закрепление форм взаимодействия. Сделан вывод о необходимости перехода от иерархической структуры к модели паритетного правотворчества с участием всех заинтересованных акторов.

Ключевые слова: гражданская процессуальная политика, координация полномочий, правовой статус субъектов, Верховный Суд РФ, законодательная инициатива, институты гражданского общества, правотворчество.

Гражданская процессуальная правовая политика в Российской Федерации в ее современном осмыслении приобретает статус многоаспектного и внутренне противоречивого феномена, формирующегося на пересечении разнообразных нормативных, управленческих и идеологических импульсов. В рамках теоретико-юридической методологии данное явление вызывает значительные сложности не только при попытке его категоризации, но и при выработке единых методологических подходов к его исследованию. Прежде всего, следует отметить, что в действующей нормативной базе отсутствует четкое юридическое закрепление самого понятия «гражданская процессуальная политика». Данное обстоятельство влечет за собой методическую фрагментарность в ее интерпретации, порождая множество неоднозначностей, как в научном дискурсе, так и в правоприменительной плоскости. Таким образом, рассматриваемая политика не может быть сведена исключительно к совокупности закрепленных норм, регулирующих гражданские процессуальные отношения. Скорее, она предстает как гибкий, изменчивый комплекс управленческих стратегий, направленных на развитие, адаптацию и оптимизацию нормативного поля гражданского судопроизводства.

В этом контексте на первый план выходит междисциплинарный и институционально-перекрестный характер формируемой политики, что особенно ярко проявляется в ее связи с деятельностью различных акторов – от законодателей и судей до представителей исполнительной ветви власти [1, с. 142–147]. Доминирующим становится представление о процессуальной политике как о продукте совокупного взаимодействия правовых и внеправовых факторов, включая идеологические ориентиры судебной системы, политические предпочтения законодателя и административные ограничения в работе правительства. При отсутствии нормативно закрепленной дефиниции невозможно однозначно установить круг субъектов, участвующих в ее формировании, а также определить допустимые пределы их компетенций. Вследствие этого наблюдается институциональное размытие границ влияния, в рамках которого одни участники де-факто иницируют и направляют реформы, несмотря на ограниченность их формальных

полномочий, в то время как другие – при наличии конституционного мандата – фактически устраняются от реального процесса нормотворчества.

Анализируя современную структуру субъектов гражданской процессуальной политики, можно утверждать, что она базируется не на прямом нормативном закреплении, а на расширительном толковании положений таких правовых актов, как Конституция Российской Федерации [2] и Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022) [3], а также на основании действующих подзаконных регламентов. Наиболее значимыми участниками в этой системе выступают, безусловно, высшие органы законодательной и судебной власти. Так, согласно ст. 104 и ст. 105 Конституции РФ [2], законодательный орган наделен правом не только законодательной инициативы, но и окончательного утверждения нормативных правовых актов, формирующих правовую структуру гражданского процесса. Верховный Суд Российской Федерации, в силу своей институциональной природы, занимает особую позицию, совмещая юрисдикционные и нормотворческие функции. Такой дуализм, прямо зафиксированный в п. «б» ч. 1 ст. 104 Конституции РФ [2], регулярно становится предметом научной критики, особенно в части допустимости одновременного осуществления нормотворчества и правосудия в пределах одной инстанции.

Тем не менее, практика свидетельствует о том, что именно Верховный Суд в последние десятилетия выступает в роли ведущего инициатора реформ, затрагивающих ключевые параметры гражданского процессуального права [4, с. 73–78]. Примеры таких инициатив – изменения в сфере приказного производства, модификация правил территориальной подсудности, совершенствование апелляционных процедур – демонстрируют, что суд фактически формирует концептуальный вектор развития процессуального законодательства. Однако на стадии законодательного оформления данные инициативы зачастую подвергаются трансформации: парламент адаптирует их, исходя из собственных политико-правовых ориентиров. В качестве примера можно указать ситуацию с предложением Верховного Суда об исключении положений о договорной подсудности из ст. 32

Гражданского процессуального кодекса РФ [5]. Законодатель сохранил диспозитивный элемент, ограничившись лишь сдерживающими мерами, тем самым утвердив приоритет политического баланса над идеей строгой процессуальной рационализации, выдвинутой судебной властью.

Рассматривая вопрос участия исполнительной власти, следует отметить, что такие субъекты, как Министерство юстиции Российской Федерации и Правительство РФ, задействованы преимущественно на периферии нормотворческого процесса. Их функция сводится, главным образом, к организационному и экспертному сопровождению соответствующих реформ. Минюст, в частности, курирует вопросы, связанные с технической инфраструктурой судопроизводства (например, функционирование системы ГАС «Правосудие», цифровизация процессуальных процедур и т. п.) [7, с. 25–31]. Однако полноценного мандата на формирование содержания процессуальных норм у ведомства не имеется. Его включение в политику обусловлено поручениями Правительства или деятельностью внутри ведомственных комиссий и рабочих групп. Аналогично и Правительство РФ, несмотря на закрепленные в ст. 114 Конституции РФ [2] положения о его функции по обеспечению государственной политики, не обязано координировать свои действия с судебной системой при выработке процессуальных решений, что создает правовую лакуну и институциональный вакуум на стыке полномочий.

Не вызывает сомнений тот факт, что отсутствие четко закрепленных механизмов, позволяющих институционализировать результаты научной и профессиональной экспертизы, препятствует созданию эффективной системы обратной связи между разработчиками законов и профессиональным сообществом. Особенно актуальной эта проблема становится в условиях стремительного обновления и реформирования процессуального законодательства, что требует не столько фрагментарного подхода, сколько системной интеграции внешней правовой экспертизы. Проблема здесь кроется не в недопущении экспертных субъектов к праву инициирования законодательных изменений, а в отсутствии четко очерченной и закрепленной процедуры оценки, обсуждения и возможного учета

их предложений. На практике представители научной среды и юридических профессий зачастую оказываются формально отстраненными от участия в нормотворчестве, а их мнение рассматривается как сугубо консультативное, не предполагающее обязательного рассмотрения в рамках законодательных процедур.

Характерным примером институционального дефицита является функционирование механизма общественного обсуждения нормативных правовых инициатив через официальный портал regulation.gov.ru [4, с. 73–78]. Несмотря на формально задекларированный принцип открытости, указанный ресурс на деле выполняет скорее имитационную функцию: даже содержательные и аргументированные предложения, поступающие в ходе публичных обсуждений, крайне редко находят отражение в итоговых редакциях законодательных текстов. В этой связи на протяжении последних лет активно поднимается вопрос о создании постоянных экспертных советов при профильных комитетах Государственной Думы, в состав которых могли бы быть включены представители научных кругов, судебного корпуса и адвокатского сообщества. Однако подобные инициативы так и не были институционализированы, что подтверждает наличие устойчивого организационного вакуума. Как справедливо акцентирует внимание Т.Н. Радько невозможно построение эффективной процессуальной политики без перехода к целостной координированной модели, где каждый участник выполняет функцию в рамках согласованной институциональной логики, исключая стихийность и изоляционность правотворческих решений [8, с. 12–20].

Таким образом, совокупность изложенных обстоятельств позволяет заключить, что вопрос о правовом статусе и координации полномочий субъектов, участвующих в формировании гражданской процессуальной политики, должен рассматриваться в более широком контексте – как задача выстраивания современной модели институционального взаимодействия. Необходимо не просто пересмотр отдельных норм, а системная реконфигурация архитектуры правотворчества, предполагающая отход от вертикально-иерархического подхода в пользу модели паритетного сотрудничества. В этой системе каждый участник – от высших судебных инстанций до профессионального сообщества – должен

рассматриваться как полноправный субъект с юридически признанной компетенцией. Реализация подобной модели требует четкого нормативного закрепления форм экспертного участия, создания устойчивых каналов коммуникации и материального обеспечения механизмов взаимодействия.

Список литературы

1. Мартыненко И.А. Процессуальная политика как отражение правовой и политической реформы / И.А. Мартыненко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – №10 (401). – С. 142–147.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 04.09.2022) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
3. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – №6. – Ст. 566.
4. Голобородько А.В. Участие Верховного Суда РФ в формировании и реализации гражданской процессуальной политики / А.В. Голобородько // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – №4. – С. 73–78.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46. – Ст. 4532.
6. Малько А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, С.Е. Чаннова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 296 с.
7. Романовская О.В. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы / О.В. Романовская, Е.А. Романовская // Вестник Пензенского государственного университета. – 2024. – №1. – С. 25–31.
8. Радько Т.Н. Доктринальные основы развития современного российского законодательства / Т.Н. Радько // Вестник Московского государственного юридического университета. – 2023. – №5. – С. 12–20.